

«ОШИБКА — НЕ ОТКАТ, А ПРИБЛИЖЕНИЕ»

В феврале на сцене **Студии Театра имени Евг. Вахтангова** состоялась премьера спектакля **«Все будет»** по пьесе **Нины Садур «Замерзли»**. О поколении мечтателей, об опоре, которую дает Мастер, о любви, превращающей любую историю в драматургию, мы побеседовали с выпускницей режиссерской лаборатории **Римаса Туминаса**, режиссером спектакля **Гульназ Балпеисовой**.

Гульназ, незадолго до нашей беседы в Театре имени Евгения Вахтангова у вас состоялась премьера спектакля «Все будет» по пьесе Нины Садур «Замерзли». Пьеса была написана в конце 80-х годов прошлого века, но в ее персонажах — уборщицах Наде и Лейле — можно узнать 20-летних девушек наших дней. Почему история по-прежнему звучит так остро? — Меня покорила, на первый взгляд, незначительная фраза в пьесе: «Мы помыкаемся, помыкаемся по молодости, а потом у нас все будет». Я помню, что я са-

ма дала такое обещание, когда переехала в Петербург. Мы с лучшей подругой, которая уехала из Казахстана со мной, сидели в Таврическом саду, я тогда бросила ВУЗ, и мы оказались в пустоте — впереди, наверное, ничего не будет. Но нами руководила мечта. Мосты, конечно, еще не сожжены, и все ждут, что ты сделаешь шаг назад. Ну, давай, возвращайся в родительский дом, и все будет хорошо. Мы держались за руки и боялись смотреть друг другу в глаза. Вы помните, в спектакле есть мизансцена, когда девуш-

Гульназ Балпеисова. Фото А. Балакина

Гульназ Балпеисова. Фото В. Сухановой

ки говорят о мечтах, а сами плачут, потому что если посмотрят друг на друга, то они вернутся. В их глазах нет веры, одни сомнения. Человек плачет и храбрится. Так и мы смотрели куда-то вперед, в невидимые дали. В пустоте можно что-то создать, пойти по новой дороге.

Людей, верящих в мечту, сейчас больше. Десять лет назад, когда я была в Нью-Йорке, а для меня Москва и Нью-Йорк очень похожи по духу, я почувствовала одно важное отличие — по концентрации мысли в воздухе было понятно, что у нас нет этой веры, люди в метро ехали в никуда. А у них черный парень из самого бедного района торопился на Манхэттен за мечтой, и он был уверен, что город поможет ему, а он — городу. Сейчас у нас все изменилось. Я одиннадцать лет живу в России и как эмигрант, наверное, чувствую это острее. В юности я очень боялась Москвы, мне казалось, что это чудовище, пожирающее людей, как Хронос, — сюда попадают и растворяются. Мы знаем только тех, кто светит ярко. А что стало с другими людьми?

Так вот, в промежуток времени от 20 до 30 лет для тебя все меняется, ты видишь острее, хотя, может быть, все только повторяется. В Москве образовалась концентрация талантливых людей младше меня или чуть старше, которые каждый день меня удивляют. Хочется сказать — объединяйтесь, потому что стало модным быть умным. Умным, здоровым и успешным. А до этого был другой персонаж — наркоман, алкоголик, меланхолик. Чем ты более меланхолический, сломанный и болезненный, тем ты был притягательнее. Хотелось утонуть в этом рок-н-ролле. Во тьме он находил какой-то свет. Сегодняшний герой следует чеховской заповеди — здоровый дух в здоровом теле. И перед тобой возникает здоровая перспектива. Алкоголь больше не питает, как раньше, скажем, в бо-е, когда на кухне собирались режиссеры, актеры, когда творили ночами. Это осталось только в виде романтического порыва. Сейчас люди объединяются не по душевной близости, а идейно, вокруг какой-то интересной рабо-

«В Париже». Фото А. Шульева

ты. Наш спектакль не имел никаких перспектив, просто летнее хулиганство. Было интересно пробовать из альтруистических соображений. В итоге этот материал стал автобиографическим для ребят. – *Это спектакль о закулисной, скрытой от глаз зрителей жизни театра, о призраках Таирова, Коонен, о волшебстве старого театра, который завораживает даже грубоватого охранника. Но важно, что в центре истории девушки, почти дети, оказавшиеся никому не нужными. Одну бил отец, другую совершенно не понимает мать. У них все будет, или уже многое позади?*

– Мне понравилось, что это пьеса-предупреждение. Не надо мыкать, надо действовать, при этом не уничтожать себя на работе. И понять, каков предел терпения. Твою жертву никто не оценит, кроме тебя самой. Мы так гордим-

ся собой, что мы это вытерпели, выдержали, но этого никто не заметил. А человек продолжает наслаждаться тем, что он жертва. Эту жертвенную философию хочется искоренить. Раньше я сама в нее веровала.

– *Получается, вы вступаете в полемику с чеховской Соней, готовой терпеть: «Будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба». Как молодым людям, стоящим на границе чего-то нового, большого, когда назад возвращаться не нужно, а впереди пока неясная перспектива, не испугаться и найти свое призвание?*

– Для этого нужно сбежать. Мы сами себя убеждаем, что то или иное невозможно. Лейла, эмигрантка, сбежала из Дагестана. С какой гордостью она рассказывает о своем страшном детстве! Но мы над ним не плачем. А Надя страдает, жалуется

«Бег». Чарнота —
А. Иванов,
Турчанка —
Г. Балпеисова.
Фото
А. Морковкина

ся. У Лейлы умерла мама. Кто знает, как она ее воспитывала, как жила. И в те моменты, когда между персонажами не звучат диалоги, хочется подумать о себе и понять, когда ты пропустил своего друга, когда пропустил родного человека. Мы друг друга не слышим. Кажется, что у кого-то история страшнее, а надо ли их сравнивать? Для кого-то развод сродни смерти. Один живет в перманентной ненависти к живому родителю, а другой, пусть отец будет хоть бомжом, мечтает набрать его телефон и произнести слово «папа». Для меня важно было поймать звучание простого языка Нины Садур. Я всегда работаю с очень сложными авторами: Цвейг, Томас Манн, Стриндберг.

Какой красивый у них язык даже в переводах! Он тебе помогает, ты с ним взлетаешь. А здесь, на первый взгляд, все просто. Щелчок, и пошел вербатим, документалистика. Ты вынужден быть откровеннее, выворачивать себя наизнанку. Читая Садур, ты сам принимаешь решение — будет у тебя что-то впереди или нет. И надо понимать, что с тобой случится разное. Потеря тоже может оказаться большим подарком. У Нади было такое жертвенное положение, что ее хотелось грохнуть. Нельзя настолько погружаться в проблемы. Ранка, если на нее постоянно обращать внимание, трогать, приведет к гангрене. Любое достижение цели требует ошибки. У Нади есть

«Лепорелла». Баронесса фон Ф. — О. Тумайкина. Фото Ю. Губиной

цель — купить сапоги, но на пути к ее достижению сплошные штрафы. А если бы она поставила перед собой другую цель, пусть тоже смешную — стать счастливой? Она тайно этого желает, при этом сама себя закупорила. Кто-то хочет стать матерью, создать семью. Ты идешь к этому, и тебя штрафуют. Каждая ошибка в итоге — это шаг, приближающий тебя к цели. Когда ты начинаешь понимать, что ошибка — не откат, а приближение, ты думаешь — ничего страшного — и идешь за мечтой. Как Лейла. Она хочет быть актрисой и становится ею, получает свою аудиторию. Она счастлива здесь и сейчас.

— В процессе учебы вы сменили много ВУЗов, специальностей — от художника по костюмам, лингвиста до актрисы, режиссера. Это трудный, но мужественный путь, который был связан с переездами из Казахстана в Петербург, а потом в Москву. Что дал вам этот опыт? И предпочли бы вы сейчас ему более линейную дорогу?

— Нет. Это как в анекдоте — поменяйте мне крест, дюже он тяжелый. А потом выбираешь свой же. Мне интересно, что произойдет со мной через десять лет. Каким-то образом сосредоточение всех этих профессий помогло родиться режиссеру. На самом деле, все помогает. Даже если ты был столяром. Если к любому ремеслу отнестись внимательнее и подробнее, оно станет искусством. Мне очень повезло. В каждой, пускай и сложной, ситуации я приобретала людей, друзей и научилась видеть чудеса рядом. Да, волшебство permanently рядом с нами. Во мне живет вера, которую заложил в детстве отец, в то, что даже если на меня полетит лава, я выживу. И я бы хотела, чтобы каждый знал это про себя. Скажем, едем куда-то с друзьями, и я чувствую, как только человек теряет уверенность, сразу начинает не везти. Стоп! Надо поговорить, успокоиться. И странство помогает нам. Сразу находит выход. У моего мастера Римаса Влади-

Лепорелла — М. Бердинских. Фото Ю. Губиной

мировича языческие корни, а у меня — шаманские. Недавно я была в монастыре. Режиссерская профессия удивительная — тебе все интересно, и ты постоянно наблюдаешь. Меня спрашивают, какую религию я исповедую. А я не определилась. Сложно объяснить человеку про дерево, камень, солнышко. Бог фортуны, назовем его так, любит отчаянных и верящих в свою мечту, тех, кто отчаянно верит. Если игрок, который сидит в казино и понимает, что сейчас идет ва-банк, на секунду засомневается, он непременно проиграет. Страх огромный, это не чертенок, а демон. Я тебя боюсь, но иду в огонь. И тогда выйду из этого горящего дома живым. Сомнения — это стихии. Если встретишь злую собаку, не смотри ей в глаза, не показывай, что боишься. Она тебя проверяет, зная про твой страх. Говорят — не беги, а то она поймет. Она давно все поняла. Иди мимо нее достойно, с уважением. Так же со спектаклями. Хочется собрать та-

кой состав, чтобы стало страшно, очень страшно, до слез! От пьесы заплачешь и поймешь, что это уже смерть, а потом задрожит от состава. Надо так себя напугать, чтобы пойти вперед.

— В одном из интервью вы назвали режиссуру мировоззрением. Что самое главное вы вынесли из работы и общения со своим мастером Римасом Туминасом, что нельзя было найти ни в одной книге?

— Наверное, я все еще учусь и удивляюсь. Мировоззрение не передается, а впитывается. Что тебе дала мама? Одним словом не ответишь. Мастер дает опору. Он приходит на репетицию, и ты видишь, как плечи у артистов расслабляются. Он должен быть тем, кто их ловит над пропастью во ржи. Они знают, что там обрыв, но он рядом и обязательно остановит их у черты. Это война, битва с артистами, которая обязана закончиться миром. Всегда Туминас меня этому научил. Режиссер — это мировой судья, до судебного разбирательства предлагающий пойти на ком-

промиссы. Он делится теплом, которое не очевидно, но чувствуется, мудростью, которая не навязывается, правдой, к которой не принуждают. Его принцип — играть, не играя, ставить, не ставя. Кажется, что он давит, настаивает на своем, но это не так. За тобой остается право выбора. Должна быть ярость, но не злость. Ярость освещает человека, обжигает его, поэтому ее часто пугают со злостью. Но злость последовательна, в конце концов, она тебя подставит, тебе же сделает больно. А ярость добродетельна.

— *В ваших первых работах на вахтанговской сцене — «В Париже», «Фрекен Жюли» — любовь либо краткий миг, либо несовпадение. Может ли один человек до конца понять другого?*

— Это так красиво, что никогда не поймет. Иначе было бы очень скучно.

— *А себя?*

— Тоже нет. Из-за этого и хочется жить. Еще что-то не понял, что-то не разгадал. Человек не готов умирать, потому что истина так и не пришла, ясности все так же нет. Наоборот, это смешно, когда человек кричит: «Я понял!» И это понимание длится ровно минуту. Совсем скоро ты начинаешь сомневаться, что, кажется, ничего и не понял. Ты на автомате продолжаешь кого-то убеждать, но на следующий день все отменяется. А ведь к тебе пришло осознание ошибки почти сразу. Каждый год ты делаешь какие-то выводы, говоришь себе — вот теперь я буду жить правильно, вот так. А потом думаешь — ну и где же твоя воля? И в этой перманентной битве ты находишь интерес. Смотришь на животное, которое играет с шариком. Знает же, что это не враг. Но все равно до поры до времени ему интересно играть. А потом котенок просит другую игрушку. Мы возбужденно говорим — это таинственно, или — какой он непонятный человек! Конечно, это пошлая структура, но подобные вещи будоражат сознание, воображение.

— *В Театре имени Вахтангова на Симоновской сцене уже второй сезон с успехом идет*

спектакль «Стефан Цвейг. Новеллы». Вы со своими коллегами, бывшими однокурсниками по режиссерской лаборатории Туминаса, выбрали четыре новеллы. Почему ваш выбор пал на «Лепореллу»?

— Оказалось, что можно любить совсем иначе. Лепорелла меня этим удивила. Ее любовь заключена в служении. И это не стыдно, это высоко.

— *Любовь ее возвысила?*

— Конечно. Вот она, абсолютная любовь без какой-либо корысти, Лепорелла ничего не просит взамен. Но сама она становится красивой.

— *Интересно. Но я увидела в ней, Мария Бердинских великолепна в этой роли, женщину, лишенную души, любовь которой приобретает чудовищные формы, превращается в одержимость и, в конце концов, толкает на преступление.*

— Радость в интерпретациях. И да, и нет. Я оправдываю там всех персонажей. Все они несчастные. Но при этом хорошие. Они искали любви, счастья. Мне хотелось понять логику, мы боролись с темпоритмом, пытались уловить состояние тревоги, пульсацию времени.

— *Катастрофа личная, внутри семьи, в итоге приводит к общественным катаклизмам, когда рушится весь мир. Получается, этот ничтожный случай стал предвестником начала мировых войн?*

— Это самая ранняя из выбранных нами новелл Цвейга. Конечно, мне нравится раскрывать космос другого человека. Но стилистически мы с Хуго Эрикссеном, Владимиром Бельдиным и Анатолием Шульевым разные режиссеры. Мы планировали (до чего же утопическая идея!) переллести все истории, когда одна новелла начиналась бы в следующей...

— *Но вам удалось их связать не только хронологически. Например, художник из новеллы «Принуждение» появляется раненым на носилках в истории про «Незримую коллекцию». Значит, персонаж Василия Симонова все-таки попал на войну.*

— Понимаете, мы с ребятами не переходим дорогу друг другу, потому что, благо-

Мастерская Римаса Туминаса. Фото В. Сухановой

даря воспитанию Римаса Владимировича, мы развивались каждый в своей логике. Он нам не навязал свою. Сыграло положительную роль и то, что актерская школа в театре тоже его. Самое главное было не потерять вкус и стиль. В этом плане нас всех вымуштровали. Я ставила в Литве спектакль по новеллам Томаса Манна, встретила с его первым режиссерским курсом. Я получила такую поддержку с их стороны! В каждой работе переживаешь внутренний кризис. Если его не было, это плохой знак. В любом творчестве нужно терять веру, обнуляться. На втором курсе я сдавала отрывок по Куприну. Это был самый страшный урок, но для меня теперь это уже красивая история, миф. Туминас уничтожил мою работу два часа. А потом посадил

меня на стул и попросил сказать — «я бездарность». Сидят мои артисты, мои конкурники. Я вся в слезах и повторяю тихо — «я бездарность». Он: «Я не верю». Повторяю чуть громче. Туминас: «Я не слышу, закричите, чтобы стены затряслись». И тогда я, что было сил, прокричала: «Я бездарность!» — «Вот теперь я Вам верю, теперь у Вас может что-то получиться», — последовала реакция мастера. Это была такая игра. Отрывок-то не изменился. Нельзя до конца поверить в то, что ты можешь. Не дай бог, ты почувствуешь себя мастером. Когда ты понимаешь, что ты полный ноль, ты что-то создаешь. В противном случае теряется честность.

Так вот, я сидела в Вильнюсе и плакала, что меня ждет полный провал. Об

этом уроке я рассказала литовским ребятам. И они мне открыли другую истину — не существует такого понятия, как провал. Мне же доверили спектакль, а у меня ни черта не получается! В ответ я услышала: «Твой спектакль честный? Если он сделан честно, значит, он имеет ценность». И я пришла на следующий день на репетицию и увидела — здесь я слухавила, здесь — подкупила. И я сняла второй акт. Я убрала 50 минут работы за неделю до премьеры. Приехал мой художник по свету Нарек Туманян, вышел в антракте и говорит: «Если у тебя такой же сильный второй акт, то я не знаю...» А он был слабее... «Тогда убирай, не порть впечатление». Ах, как жалко!

— У вас был опыт работы на родине, вы поставили «Горе от ума» в Академическом русском театре драмы имени М.Ю. Лермонтова в Алматы. Живи Чацкий в наше время, что это был бы за человек?

— Это были бы мы, которые приезжают в Кемерово или Казахстан. И волей-неволей пытаются что-то там исправить. Ты хочешь открыть глаза близкому человеку, и это очень наивно. Таким образом мы разрушаем свои семьи. А если быть чуть более эгоистичным, заносчивым, чуть дольше жить не дома, холоднее относиться к родственникам, разве такой человек кого-то пожалеет? Ведь мы уходим от конфликтов из-за любви. Никто не изменится. И не нашего ума это дело. Счастлив человек — и хорошо. Нельзя срывать чадру с мусульманок и тому подобное. Что вы лезете? Может быть, они счастливее, чем вы. Чацкий потом вернулся в пустой дом. Он вернулся даже не физически, а метафизически. И понял, что теперь его никто не ждет. Софья тащит огромную домашнюю лестницу. Когда мне предложили поставить «Горе от ума», я спросила: «Вы смеетесь надо мной, Вы читали пьесу?» Вот я приезжаю в Казахстан и сама оказываюсь Чацким. У меня другая школа. Пришлось перевоспитывать артис-

тов. Любой режиссер начинает с новыми артистами маленький роман длиной в три месяца. Человек рядом с тобой кардинально меняется, потом он постепенно выплывает из этого облака.

— Почему вам всегда хочется возвращаться в Вахтанговский театр, в Москву?

— Из-за внутренней семейственности, это мой дом. Римас Владимирович говорил нам — возвращайтесь. Поэтому мы сделали лабораторию, общий спектакль. Вот мы приезжаем, покрывшиеся коростой, а здесь нас сразу разоблачают. Здесь гораздо сложнее работать, ты обнаженный. Там-то ты обманешь фактами, разговорами. А в Москве — добро пожаловать на первый курс. Мастер тебя открывает щелчком.

— Вы как-то замечательно сказали, что человека по законам физики всегда тянет вниз, поэтому он должен стремиться вверх. Что вас окрыляет?

— Конечно, любовь. В широком понимании этого слова. Любовь к маме, к людям. Римас Владимирович поделился — все равно все в жизни о любви, все спектакли о любви. Стоит в любую историю добавить это чувство, сразу возникает драматургия. Все мы сложные люди. Но восточный склад ума позволяет мне не обижаться. На ветру стоять нельзя, снесет. Можно опустить голову и идти. Твой путь в служении. В Вахтанговском театре огромное уважение к старшему поколению. И мне это близко. Еще меня радуют люди, которые продолжают экспериментировать. Ольга Тумайкина, например. Я попросила ее прийти на пресс-показ спектакля «Все будет». Низко кланяюсь ей. И для артистов-стажеров это было невероятно важно, что она сидит рядом с нами. В творчестве нет никаких качелей. Разве что в столовой (*смеется*). Как в любом доме. У себя они папы, мамы, в коридоре — заслуженные и народные артисты, а на площадке — партнеры.

Беседовала Елена ОМЕЛИЧКИНА